

Перевод Евангелия от Луки на осетинский язык: новый опыт 2022 года

Статья посвящена вопросам перевода библейских текстов на осетинский язык, рассмотрение которых ориентировано на выявление основных расхождений между переводными вариантами и опорным текстом, в качестве которого выступает Синодальный перевод, фактически являющийся каноническим для русскоязычного читателя. Объект рассмотрения — Евангелие от Луки как наиболее полный и хронологически последовательно изложенный текст, на основе которого стало возможным проведение языковых и стилистических параллелей. При сопоставительном анализе трех вариантов перевода выявлены основные типы расхождений как между переводными версиями, так и с «опорным» текстом, что может привести к семантическим смещениям и стилистическим сдвигам. Отмечено, что стремление уйти от дословного перевода, ярко выраженного в первоначальном переводе на осетинский язык, отразилось в последующих версиях в виде замены труднопереводимых слов на громоздкие конструкции с высокой степенью образности, а также в наличии разного рода вставок и пояснений. Показано, что поиск оптимального варианта, позволяющего передать тонкости исходного значения лексической единицы должен сопровождаться пониманием необходимости сохранения целостности структуры предложения с условием точной передачи смысла без ущерба общего стилистического фона. Стиль Божественного писания должен сохраняться и не должно быть допущено никаких иных стилистических вкраплений, нарушающих и сбивающих внутреннюю ритмику текста.

Ключевые слова: осетинский язык, Библия, перевод, семантика, лексическая сочетаемость, синтаксические конструкции, стилистика текста

This article examines the translation of biblical texts into Ossetian, focusing on identifying the key discrepancies between the translations and the reference text, the Synodal Translation, which is de facto canonical for Russian-speaking readers. The Gospel of Luke is the focus of this study, as it offers the most complete and chronologically consistent text, making it possible to draw linguistic and stylistic parallels. A comparative analysis of three translations reveals key discrepancies between both the translations and the reference text, potentially leading to semantic shifts and stylistic shifts. It is noted that the desire to avoid literal translation, clearly expressed in the original Ossetian translation, was reflected in subsequent versions by replacing difficult-to-translate words with cumbersome, highly figurative constructions, as well as by the inclusion of various insertions and explanations. It is shown that the search for the optimal variant that conveys the subtleties of a lexical unit's original meaning must be accompanied by an understanding of the need to preserve the integrity of the sentence structure, ensuring accurate conveyance of meaning without compromising the overall stylistic background. The style of divine scripture must be preserved and avoid any stylistic inclusions that disrupt or disrupt the text's internal rhythm.

Keywords: Ossetian language, Bible, translation, semantics, lexical compatibility, syntactic constructions, text stylistics

Введение

Язык и духовная культура Осетии – Алании обеспечивают ей уникальное место на культурной карте современного Кавказа. Осетинский, прямой потомок средневекового аланского языка, — один из двух (вместе с русским) индоевропейских языков современной России. Кроме того, Осетия – Алания — единственный кавказский регион, подавляющее большинство населения которого исповедует православие.

Точкой отсчета христианизации Алании принято считать создание в X в. Аланской епархии, а затем и митрополии. Однако этому знаменательному факту не могла не предшествовать «многовековая история знакомства и распространения христианства в Алании. Церковное предание, как известно, начинает эту историю с апостольской проповеди» [1. С. 50] (имеется в виду апостольская проповедь Андрея Первозванного и Симона Кананита). Таким образом, создание митрополии ознаменовало, во-первых, провозглашение православного христианства государственной религией Алании и, во-вторых, культурную интеграцию в восточно-христианскую цивилизацию [2. С. 56].

Очевидно, что государственная религия предполагала не только проповедь, но и наличие священных текстов на родном языке, однако священные богослужебные тексты на аланском языке до сих пор не обнаружены.

Первым опытом приобщения осетинского общества к Слову Божьему можно считать «Начальное учение человеком хотящим учиться книг Божественного Писания», издание которого было осуществлено в 1798 г. при содействии Московской Синодальной типографии [3]. Спустя несколько десятилетий переводом богослужебных книг, псалтири, а позднее и переводом Четвероевангелия занимался Г. Мжедлов (1837–1861), результатом многолетнего труда которого в 1861 г. становится издание Святого Евангелия на осетинском языке. По инициативе владикавказского Комитета по переводам священно-церковных книг и учебников на осетинский язык изданный перевод Святого Евангелия подвергся правке и в 1864 г. вновь издается в Тифлисе [4. С. 111], впоследствии переиздается в 1902 г. во Владикавказе, а затем в 1923 г. в Лондоне и Берлине Британским и иностранным Библейским обществом, а в 1993 г. в Стокгольме Институтом перевода Библии как Новый Завет (на осетинском языке) [5. С. 108–109].

Значимым событием для культуры Республики Северная Осетия – Алания стало издание полного текста Библии на осетинском языке в 2022 г. Исходным вариантом был взят текст Синодального перевода при активной сверке с оригинальными текстами на древнееврейском и древнегреческом языках.

Выбор текста Евангелия от Луки в качестве объекта лингвистического анализа в настоящей работе обусловлен тем, что, являясь третьим Евангелием в списке канона книг Нового Завета, по сравнению с другими Благовестиями, оно «отличается хорошим греческим языком и стремлением к исторической точности в изложении событий земной жизни Господа нашего Иисуса Христа» [6], что отражается и в Синодальном переводе.

Был проведен перекрестный лингвистический анализ переводов текста Евангелия от Луки из списка канона книг Нового Завета на осетинский язык. Для объективного анализа привлечены тексты из следующих книг: дореволюционный перевод Четвероевангелия на осетинский язык, впервые изданный в 1902 г. (ДП) [7], его современный осетинский вариант, изданный Институтом перевода Библии в 1993, 2004, 2008 гг. (СП) [8], и новейший перевод канонических книг Ветхого и Нового Заветов, вышедший в свет в 2022 г. (НП) [9]. В качестве «опорного» текста выбран Синодальный перевод Библии, представленный на сайте *Библия онлайн* [10] (РП). При проведении лингвистического анализа основной фокус внимания был направлен на новейший полный перевод Библии на осетинский язык как на текст более актуальный в силу того, что осуществлялся с учетом знаний оригинальных текстов, написанных на древнееврейском и древнегреческом языках.

Основная часть

Мастерство переводчика заключается в умении выдерживать гармоничный баланс между точностью и ясностью перевода, избегая нарушений стилистического фона канонических текстов и ослабления их риторической силы. Именно в соответствии с этими требованиями акцентировалось внимание при проведении перекрестного лингвистического анализа переводов Евангелия от Луки на осетинский язык.

К наиболее явным расхождениям, пожалуй, можно отнести переводы имен собственных составных наименований, которые в разных версиях перевода встречаются с разной орфографией, а в случае со сложными наименованиями — в разном переводе. Например, интересным, на наш взгляд, является сочетание *служители Слова* из стиха «...как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова» (Лк. 1:2) [10], которое в одном варианте перево-

дится как *Дзырды куджытæ* «работники Слова» (ДП), в более позднем варианте представлен развернутым оборотом *‘Хуыцауы ныхас адæммæ хæссыны куыст кæмæ ’рхауд’* «кому досталась работа доносить Слово Божье до людей» (СП) и в новейшем варианте *‘Хуыцауы ныхас адæммæ чи хæццæ кодта’* «кто доносил Слово Божье до людей (народа)» (НП).

Следует обратить внимание на само понятие ‘служители Слова’: вполне очевидно, что это люди, проповедующие Слово Божье как Истину, ниспосланную свыше, и в этом случае в НП смысл этого сочетания полностью раскрывается. Однако сама лексема ‘Слово’, написанная с заглавной буквы, уже несет в себе семантику «божественного» и не требует дополнительных разъяснений, а второй компонент сочетания ‘служители’ указывает на статус людей, проповедующих Божественную истину. Именно поэтому уместно было бы заменить громоздкий оборот сочетанием *‘Дзырдæн лæггадгæнджытæ’* «служители Слова», выдерживающим стилистику стиха и сохраняющим эвфемистический характер исходного сочетания.

Перед переводчиком стоят важные задачи:

- точная передача смыслового содержания;
- сохранение благозвучия, способствующего комфортному распознаванию и запоминанию;
- установление норм орфографии таких наименований.

Скажем, обращение в стихе **«Ангел, войдя к Ней, сказал: радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между жёнами»** (Лк. 1:28) [10] в соответствующих стихах осетинских переводов имеет разные варианты: Цин кæн, *хорзлæваргонд!* — букв. ‘благом одаренная’ (ДП); Цин кæн, *Фæрнæйдзаг!* — букв. ‘благодатью наполненная’ (СП); Байрай, *Хуыцауæй арфæгонд!* — букв. ‘благословенная Богом’ (НП).

С позиций благозвучия все три варианта перевода вполне приемлемы и отражают Божественный смысл, однако удачным, на наш взгляд, является *‘фæрнæйдзаг’*. Вместе с тем наблюдается некоторое несоответствие содержанию слова ‘благодатная’, поскольку не соблюдены субъектно-объектные отношения, а именно: варианты *хорзлæваргонд*, *фæрнæйдзаг* и *Хуыцауæй арфæгонд*, используемые в качестве обращений, являются объектами «воздействия» Божественных сил, в то время как семантика слова ‘благодатная’ представляется нам как субъект, от которого исходит это «воздействие». В этой связи представляется наиболее приближенным к смысловому содержанию слова «Благодатная» вариант *‘Фарнхæссæг’* — букв. ‘несущая благодать’, с которым перевод стиха на основе НП был бы таким: *Зæд æм бацыд æмæ йын загъта: «Байрай, Фарнхæссæг! Дунедарæг демæ ис (Арфæгонд дæ сылгоймæгты æхсæн)».*

Рассмотрим лексико-грамматическую вариативность в осетинских переводах. **«Тогда был в Иерусалиме человек, именем Симеон. Он был муж праведный и благочестивый, чающий утешения Израилева; и Дух Святой был на нём»** (Лк. 2:25) [10]. Выделенный фрагмент текста в осетинском переводе звучит как *‘æмæ Сыгъдæг Уд уыди ууыл’* (ДП) или *‘[Симеон] хайджын уыди Сыгъдæг Удæй* (СП, НП). Буквальный перевод *ууыл* «на нем» не естественен для осетинской речи, а сочетание *хайджын уыди* «наделен был» влечет за собой некоторое искажение смыслового содержания всего стиха. Полагаем, что более адекватными были бы варианты *Сыгъдæг Удæй æххæст уыди* или *æмæ йыл Сыгъдæг Уд æрæнцæд*.

Интересен также с точки зрения сопоставительного анализа другой стих: **«Ангел сказал Ей в ответ: Дух Святой найдёт на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречётся Сыном Божиим»** (Лк. 1:35) [10].

Во-первых, сочетание ‘рождаемое Святое’ переводится как *‘Сыгъдæг Гуырд’* — букв. «чистый (святой) рожденный» (ДП) или с помощью сложной конструкции *‘цы Хъæбул райгуыра, Уый уыдзæни сыгъдæг’* «Дитя, которое родится, будет чистым» (СП, НП). Описательность в двух последних вариантах, которые различаются лишь написанием личных местоимений и персонализированных

слов с заглавной или строчной буквы, противоречит принципу лаконичности и не способствует сохранению сочетания как сложного наименования, в то время как вариант ДП *‘Сызгдæг Гуырд’* в полной мере соответствует этим требованиям, к тому же вполне употребителен в осетинской речи: в зависимости от контекста лексема *сызгдæг* «чистый» употребляется в значениях «святой», «просветленный», «нетронутый»; лексема *гуырд* «рожденный» может выступать в качестве компонента сложных слов, сохраняя исходную семантику.

Во-вторых, внимание привлекает перевод глагольных сочетаний в контексте **«Святой Дух найдет на Тебя»** (РСР): *‘Сызгдæг Уд æрцæудзæни дæуыл’* (ДП) — *‘Ды схайджын уыдзынæ Сызгдæг Удæй’* (СП) — *‘Сызгдæг Уд дыл Йæхи æруадздæн’* (НП), при этом вариант новейшего перевода наиболее удачный и по семантике схож с дореволюционным, поскольку глагол *æруадздæн* «опустит, опуститься» соответствует контексту больше, чем глагол *схайджын уæвын* «наделиться, получить долю».

Что касается глагола ‘осенить’, то тут активизируется его устаревшее значение — «покрыть, объять» [11], и следует отталкиваться именно от этого значения. Поэтому в контексте **‘Сила Всевышнего осенит Тебя’** (РСР): *‘Бæрзонды тых æрауонкæндзæни’* (ДП) — *‘Дунедарæджы тых Дæу бакæндзæн йæ дæлбазыр’* (СП, НП) соответствующие варианты в осетинских переводах хотя потенциально и отражают смысл исходного текста, но в них доминирует семантика, отдаляющая переводной вариант от почти канонизированного прочтения. В варианте ДП довлеет исходное значение слова *ауон* «тень», в последующих вариантах заменен образным сочетанием *дæлбазыр бакæнын* «взять под крыло», который теснейшим образом привязан к образу покровителя мужчин и путников *Уастырджы (Лæгты Дзуар)* из осетинской мифологии, поскольку именно этот оборот используется в традиционных молитвенных текстах (*кувдах*) при прошении о его покровительстве. Иными словами, использование рассматриваемого оборота в библейском тексте создает нежелательные параллели. И в этом случае возможной альтернативой данной конструкции мог бы стать глагол *æртыхсын* «обвить, объять, окружить заботой» [12. С. 137]: **‘Сила Всевышнего осенит Тебя’** *‘Дунедарæджы тых Дыл æртыхсдæн’*.

Использование сочетаний и оборотов, тяготеющих к устойчивости, должно быть мотивированным и оправдано отсутствием более нейтральных эквивалентов в языке перевода. В противном случае коннотативные смыслы и ассоциации, вызываемые такими оборотами, могут нарушать общий фон восприятия библейского текста. Следует «быть осторожными с ломкой особенно утвердившихся, привычных, вошедших в язык библейских формул. Это не значит, что при наличии очень серьезных мотивов от привычной передачи нельзя отойти. Но «ломка стереотипов» не может становиться для переводчика Слова Божия самоцелью» [13. С. 53].

С особой осторожностью и вниманием следует относиться к переводу выражений, которые давно вышли за рамки религиозного текста и получили свободное хождение в повседневной речи. Важно сохранить не только исходную образность и выразительность переводимого устойчивого выражения, но и внутреннюю ритмичность и лексико-синтаксическую компактность, которые обеспечивают смысловую привязку и параллели между исходным (первоисточником) и переводными текстами.

В качестве примера рассмотрим достаточно известное выражение из Библии: **«Благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас»** (Лк. 6:28) [10] — *Арфæ кæнут уæ æлгитджытæн, æмæ кувут уæ æфхæрдджыты тыххæй* (ДП) — *Уе ’лгитджытæн хорзæх курут Хуыцауæй, кувут уе ’фхæрдджыты тыххæй* (СП) — *Уе ’лгитджытæн хорзæх курут Хуыцауæй, уе ’фхæрдджыты тыххæй кувут* (НП).

Переводы данного канонического выражения на осетинский язык во всех вариантах схожи. Однако в них нарушена ритмика и мелодика выражения, которые могли бы способствовать образованию формульности выражения и выходу его за пределы библейского текста. И если

с переводом слов «проклинающих» и «обижающих» никаких затруднений не возникает, то глаголы «благословлять» и «молиться» заставляют углубиться в их семантику как самостоятельную, так и контекстуальную. Мы имеем два варианта перевода слова «благословлять», представленного глаголом *арфæ кæнын* с исходным значением «благословлять, благодарить» [14. Т. 1. С. 64–65]: «а) благодарить, б) приветствовать, поздравлять, в) благословлять» [15. С. 47; 16. С. 43] и глагольным сочетанием *хорзæх курын* «просить блага» от *хорзæх* «милость, благоволение, награда» [14. Т. 4. С. 219], «1. награда, 2. милость, благодеяние» [15. С. 486]. Для передачи понятия «молиться» во всех переводах используется соответствующий глагол ‘*кувын*’ — «молиться» [14. С. 603–604], «молиться, произносить молитву, кланяться; нагибаться» [12. С. 265], «преклоняться» [15. С. 452].

Семантические пересечения глагола *кувын* «молиться» и сочетания *хорзæх курын* «просить блага (милости)», где одно понятие раскрывает другое, дают основание предложить следующий вариант перевода: *Арфæ кæнут уе ’лгъитджытæн, хорзæх курут уе ’фхæрджытæн* — «Благословляйте (букв. «желайте блага») проклинающих вас и молитесь (букв. «просите милости») для обижающих вас». Такое строение предложения позволяет сохранить исходную синтаксическую структуру выражения, обеспечивающую наиболее комфортные условия для запоминания канонического выражения, а также позволит выдержать «особый “библейский” стиль и колорит в переводах» [13. С. 55].

Нарушения канонической формы подачи высказываний, носящих назидательный характер, в осетинских переводах встречаются часто, и связаны они не только с заменой прямых буквальных эквивалентов, отсутствующих в осетинском языке, на образные сочетания, но и с неоправданным изменением грамматической формы слова или его заменой на синоним. Такие многоуровневые, на первый взгляд, «безобидные» искажения при переводе исходного текста влекут за собой нарушение канонического стиля изложения, обладающего отличительными, характерными только для него стилистическими признаками.

Для примера рассмотрим следующий стих:

«Горе вам, пресыщенные ныне! ибо взалчете. Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете» (Лк. 6:25) [10] — *Мæгуыр уæ бон* (1), ныр (2) æфсæстытæ! Цæмæйдæриддæр сыстонг уыдзыстут. *Мæгуыр уæ бон* (1), ныр (2) худджытæ! Цæмæйдæриддæр ныр скæудзыстут (3) æмæ сдзыназдзыстут (3) (ДП) — *Сар уæ сæр* (1), абоны (2) æфсæстытæ, — сымах (4) сыстонг уыдзыстут. *Сар уæ сæр* (1), абоны (2) цингæнджытæ, — сымах (4) скæудзыстут (3) æмæ ныддзыназдзыстут (3) (СП) — *Сар уæ сæр* (1), абоны (2) фырæфсæстытæ, — сымах (4) сыстонг уыдзыстут. *Сар уæ сæр* (1), абоны (2) цингæнджытæ, — сымах (4) кæудзыстут (3) æмæ дзыназдзыстут (3) (НП).

Во-первых (1), эмоциональный посыл коммуникемы ‘Горе вам!’ передает разочарование, досаду и др. [17. С. 80], в то время как *Мæгуыр уæ бон* (ДП) выражает ироничный упрек, а *Сар уæ сæр* (СП и НП) — грозное предупреждение. В контексте рассматриваемого выражения уместнее было бы, на наш взгляд, использовать более близкое по эмоциональному содержанию ‘*Додой кæнат*’.

Во-вторых (2), выбор лексемы ‘*абоны*’ «сегодняшний» [12. С. 12], представленный в НП и СП для перевода слова «ныне» вместо более точного ‘*ныры*’ «нынешний» [Там же. С. 318], использованного в ДП, совершенно не оправдан, поскольку многозначность его шире, что в данном случае неактуально.

В-третьих (3), глаголы *кæудзыстут* и *дзыназдзыстут* (НП) имеют несовершенный вид, в то время как соответствующие слова «восплачете» и «возрыдаете» в русском варианте имеют форму совершенного вида. Это меняет смысл всего выражения и искажает значение слов. Не совсем удачна и форма совершенного вида *ныддзыназдзыстут* для перевода «возрыдаете» (СП): несмотря на то, что приставка *ны-* указывает в том числе и на интенсивность и основательность действия [16. С. 288], более уместным было бы использование одного общего префикса *с-*, схожего

по значению с русским *воз-* (*вос-*). Это дало бы возможность воспроизвести имеющуюся в исходном варианте фонетическую ритмичность, обеспечивающую необходимый эмоциональный фон и назидательную афористичность.

В-четвертых (4), излишним представляется наличие местоимений *сымах* «вы» в переводе (СП и НП), поскольку информация о субъектах действия содержится в личных окончаниях глаголов.

С учетом изложенных суждений рассматриваемый стих мог быть представлен как *Додой кæнат, ныры фырафсæстытæ, — сыстонг уыдзыстут. Додой кæнат, ныры цингæнджытæ, — скаудзыстут æмæ сдзыназдзыстут* (Лк. 6:25) [10]. Или *Додой кæнат, ныры фырафсæстытæ! сыстонг уыдзыстут. Додой кæнат, ныры цингæнджытæ! скаудзыстут æмæ сдзыназдзыстут.*

Осмелимся утверждать, что при переложении религиозных текстов на осетинский язык важную роль играют языковое чутье и интуиция, поскольку в этом случае можно будет говорить о качественном переводе, который способствовал бы в том числе и кодификации норм языка [18. С. 21].

Заключение

Рассмотренные фрагменты перевода Евангелия от Луки позволяют наглядно продемонстрировать наиболее частые случаи нарушения семантико-синтаксической организации исходного текста и, как следствие, ее стилистической деформации. Выявлено, что трудности перевода некоторых слов, связанные с отсутствием в осетинском языке «живого» адекватного эквивалента, просматриваются в попытках использовать авторские образования (ДП) и в привлечении описательных оборотов и фразеологизмов (СП, ДП), что часто приводит к изменению синтаксической структуры стиха.

Следует отметить, что, невзирая на свой «возраст» и еще не устоявшиеся в то время нормы осетинского языка, ДП остается до сих пор довольно презентабельным и доступным для понимания, поскольку «подход Г.Д. Мжедлова, стремившегося последовательно избегать любых заимствований, в том числе путем подбора ближайших естественных эквивалентов, представляется более эффективным» [19. С. 13].

Что касается двух современных переводов, появление которых связано как с переложением Евангелия на осетинский язык с учетом современных норм графики, орфографии, лексики и пунктуации (СП), так и с необходимостью предоставить осетинскому читателю полную версию Библии на родном языке (НП), то их актуальность не подлежит сомнению.

Надо сказать, что нередко «современные версии перевода библейских текстов различаются попыткой продемонстрировать “переводческий прогресс”, продиктованный необходимостью или желательностью (желанием) создать качественно новый перевод, учитывая исторические изменения норм языка перевода, связанные с его развитием» [20. С. 212]. И это особенно явно просматривается в новейшей, полной версии перевода Библии на осетинский язык.

Литература

1. *Бзаров П.С.* 1100-летие Крещения Алании: культурно-историческое значение // Историко-филологический архив. 2017. № 8. С. 50–51.
2. *Мамиев М.Э.* Аланская религиозная традиция как часть восточно-христианской цивилизации // Вестник Северо-Осетинского государственного ун-та им. К.Л. Хетагурова. 2019. № 2. С. 55–59.
3. *Козырева Т.З.* Язык первой осетинской печатной книги. Орджоникидзе: Ир, 1974. 102 с.

References

1. *Bzarov, P.S.* 1100-letie Kreshcheniia Alanii: kul'turno-istoricheskoe znachenie // Istoriko-filologicheskii arhiv. 2017. No. 8. S.50–51.
2. *Mamiev, M.E.* Alanskaia religioznaia traditsiia kak chast' vostochno-hristianskoi tsivilizatsii // Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo un-ta im. K.L. Khetagurova. 2019. No. 2. S. 55–59.
3. *Kozyreva, T.Z.* Iazyk pervoi osetinskoi pechatnoi knigi. Ordzhonikidze: Ir, 1974. 102 s.

4. *Гостиева Л.К.* Православие в Осетии: очерки о православном духовенстве второй половины XIX — начала XX в. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. 557 с.
5. *Моргоева Л.Б.* Лексико-семантические и структурные трансформации библейского текста при переводе на осетинский язык // Научный диалог. 2022. 2227-1295-2022-11-9-105-123
6. *Трофимов Д.* Для кого было написано Евангелие от Луки? // Православный Симбирск. 2022. № 9 (569). С. 2.
7. Сыгъдаг Евангелие. Святое Евангелие на осетинском языке. Лондон; Берлин: Британское и иностранное Библейское общество, 1923. 290 с.
8. *Нæ Хицау.* Йесо Чырыстыиы Ног Фæдзæхст. Стокгольм: Институт перевода Библии, 2008. 504 с.
9. Библия: книги Священного Писания: Ветхий Завет и Новый Завет (на осет. яз.). М.: Российское Библейское Общество: Институт перевода Библии, 2022. 1152 с.
10. Библия онлайн. URL: <https://online-bibliya.ru> (13.07.2025).
11. Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов, Л.И. Балахонова, Л.А. Балиасникова и др.; ред.-сост. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2001. 1534 с.
12. Осетинско-русский словарь / Б.Б. Бигулаев, К.Е. Гагкаев, Т.А. Гуриев и др. Владикавказ: Алания, 2004. 540 с.
13. *Аверинцев С.С.* Стилистические проблемы библейского перевода // Православная община. 1996. № 35. С. 53–60.
14. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка: в 4 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958–1989.
15. *Гацалова Л.Б., Парсиева Л.К.* Большой русско-осетинский словарь. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. 687 с.
16. *Багаев Н.К.* Современный осетинский язык. Фонетика и морфология. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1965. Ч. 1. 489 с.
17. *Меликян В.Ю.* Словарь: Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. М.: Флинта: Наука, 2001. 240 с.
18. *Кудзоева А.Ф.* Аланское православие: история и культура: сб. материалов XII Свято-Георгиевских чтений «Православие. Этнос. Культура» / отв. ред. М.Э. Мамиев. Владикавказ, 2024. С. 20–27.
19. *Асратян Д.К.* 200 лет осетинской Литургии // Аланское православие: история и культура: сб. материалов XII Свято-Георгиевских чтений «Православие. Этнос. Культура» / отв. ред. М.Э. Мамиев. Владикавказ, 2024. С. 5–20.
20. *Хухуни Г.Т., Осипова А.А.* О понятии прогресса в переводах Священного Писания // Вестник Ленинградского государственного ун-та им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 7. № 2. С. 210–219.
4. *Gostieva, L.K.* Pravoslavie v Osetii: ocherki o pravoslavnom duhovenstve vtoroi poloviny XIX — nachala XX v. Vladikavkaz: IPC SOIGSI VNC RAN i RSO-A, 2014. 557 s.
5. *Morgoeva, L.B.* Leksiko-semanticheskie i strukturnye transformatsii bibleiskogo teksta pri perevode na osetinskii iazyk // Nauchnyi dialog. 2022. T. 11. No. 9. S. 105–123. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-9-105-123>
6. *Trofimov, D.* Dlia kogo bylo napisano Evangelie ot Luki? // Pravoslavnyi Simbirsk. 2022. No. 9 (569). S. 2.
7. Syg'dæg Evangelie. Sviatoe Evangelie na osetinskom iazyke. London; Berlin: Britanskoe i inostrannoe Bibleiskoe obshchestvo, 1923. 290 s.
8. *Næ, Hicau.* Ieso Chyrystiiy Nog Fædzæhst. Stokholm: Institut perevoda Biblii, 2008. 504 s.
9. Bibliia: knigi Sviashchennogo Pisanii: Vethii Zavet i Novyi Zavet (na oset. iaz.). Moscow: Rossiiskoe Bibleiskoe Obshchestvo: Institut perevoda Biblii, 2022. 1152 s.
10. Bibliia onlain. URL: <https://online-bibliya.ru> (13.07.2025).
11. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka / S.A. Kuznetsov, L.I. Balahonova, L.A. Baliasnikova i dr.; red.-sost. S.A. Kuznetsov. St. Petersburg: Norint, 2001. 1534 s.
12. Osetinsko-russkii slovar' / B.B. Bigulaev, K.E. Gagkaev, T.A. Guriev i dr. Vladikavkaz: Alaniia, 2004. 540 s.
13. *Averintsev, S.S.* Stilisticheskie problemy bibleiskogo perevoda // Pravoslavnaia obshchina. 1996. No. 35. S. 53–60.
14. *Abaev, V.I.* Istoriko-etimologicheskii slovar' osetskogo iazyka: v 4 t. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1958–1989.
15. *Gacalova, L.B., Parsieva, L.K.* Bol'shoii russko-osetinskii slovar'. Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2011. 687 s.
16. *Bagaeв, N.K.* Sovremennyi osetskii iazyk. Fonetika i morfologiia. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izd-vo, 1965. Ch. 1. 489 s.
17. *Melikian, V.Yu.* Slovar': Emocional'no-ekspressivnye oboroty zhivoi rechi. Moscow: Flinta: Nauka, 2001. 240 s.
18. *Kudzoeva, A.F.* Alanskoe pravoslavie: istoriia i kul'tura: sb. materialov XII Svyato-Georgievskikh chtenii «Pravoslavie. Etnos. Kul'tura» / отв. red. M.E. Mamiev. Vladikavkaz, 2024. S. 20–27.
19. *Asratyan D.K.* 200 let osetskoi Liturgii // Alanskoe pravoslavie: istoriia i kul'tura: sb. materialov XII Svyato-Georgievskikh chtenii «Pravoslavie. Etnos. Kul'tura» / отв. red. M.E. Mamiev. Vladikavkaz, 2024. S. 5–20.
20. *Khuhuni, G.T., Osipova, A.A.* O poniatii progressa v perevodah Svya-shchennogo Pisanii // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo un-ta im. A.S. Pushkina. 2013. T. 7. No. 2. S. 210–219.

Моргоева Лариса Батразовна,
кандидат филологических наук,
заведующий отделом современного осетинского языка
Центра развития осетинского языка
Институт истории и археологии Республики
Северная Осетия – Алания

Morgoeva Larisa B.,
Candidate of Philology,
Head of the Modern Ossetian Language Department
The Ossetian Language Development Center
Institute of History and Archeology of
the Republic of North Ossetia – Alania

e-mail: Lalik_m@mail.ru

Кудзоева Анжела Федоровна,
кандидат филологических наук,
доцент, директор Центра развития осетинского языка
Институт истории и археологии
Республики Северная Осетия – Алания

Kudzoeva Anjela F.,
Candidate of Philology,
Associate Professor,
Director of Institute of History and Archeology of
the Republic of North Ossetia – Alania

e-mail: andjik@inbox.ru

Статья поступила: 21.11.2025

Принята к печати: 12.12.2025